

НАША СТРАНА

Год издания 68-й. Буэнос Айрес, 19 декабря 2015

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 19 de diciembre de 2015 No. 3027

ОНА ЖИЛА ТОЛЬКО ДЛЯ ДРУГИХ...

Мы конечно знали, что Екатерина Александровна тяжело больна, что помимо прочего у неё была аневризма головного мозга, и что врачи отказывались её оперировать в связи с состоянием здоровья.

Удивительным человеком была дорогая Екатерина Александровна, невероятной силы духа и характера, жила только для других и меньше всего о себе думала, и несмотря на физические серьёзные недомогания, продолжала жить, как ни в чём ни бывало.

И вот, в понедельник 16 ноября, вечером, звонок – Екатерина Александровна скончалась... А я с ней накануне вечером разговаривал по телефону. Звонила, спросить имею ли я труд Митрополита Антония «Словарь к творениям Достоевского», а то привезёт мне в следующий раз...

Конечно имею, имею все 17 томов под редакцией Архиепископа Никона (Рклицкого) и переписку, изданную Владыкой Григорием (Граббе).

Поговорили. У неё, как всегда, радостный голос, масса вопросов. Позже, вечером, сын её Андрей звонил из Америки и не дозволился. Звонил снова в понедельник утром и тут открылась грустная новость... По видимому выходит, что я был последним её собеседником в этой земной жизни.

Поразительный был человек. Живая история России и Русского Зарубежья. Одна фамилия – Раевский – о чём уже говорит... В родстве была и с Ку-тузовым, и с Суворовым, и с Хитрово, и с Граббе, и с Оболенскими. Говорю – живая русская история, а не человек была наша дорогая приснопамятная Екатерина Александровна!

С достойной гордостью говорила, что все её предки, весь род Раевских, были безупречными и верными служителями наших Государей по примеру генерала от кавалерии Николая Николаевича, героя Бородинского сражения и взятия Парижа и очень скорбела и возмущалась, когда новопривывшие русские к ней с уважением относились, вспоминая... декабриста Владимира Федосеевича Раевского! «Так этот несчастный Раевский был белой вороной в среде Раевских, а они только о нём и знают!» – восклицала она.

Екатерина Александровна родилась в эмиграции, в Белграде. С большой любовью вспоминала свою молодость в Югославии, где жила с родителями, бабушкой и даже няней, эмигрировавшей с семьёй и затем похороненной в семейном склепе. В доме царил дух патриархальной русской семьи, где не учили как в советской школе, что с одной стороны были барыни, а с другой неодоухотворённая эксплуатируемая чернь. Поскольку дом был вместительным, всегда был открыт для нуждающихся, в частности духовных лиц. Ведь Белград был центром кипучей церковной жизни.

Гостила у них молодой, как она помнила, застенчивый отец Аверкий, будущий знаменитый джорданвилльский Архиепископ. Помнит как сидела на коленях у Митрополита Антония и его за бороду тянула. Была знакома со всеми Архиепископами того времени и в частности со всеми

Митрополитами. Гостила у них и Курская Чудотворная Икона, к которой ещё недавно ей удалось с трепетом приложиться в женевском соборе, воспользовавшись случаем, что там не было «хозяина» Михаила Донскова.

Принципиальнейшим человеком была Екатерина Александровна. Жила в Швейцарии, в Женеве, но категорически отвергала капитуляцию Зарубежной Церкви перед Московской Патриархией и поэтому, по долгу совести, пришлось ей полностью покинуть свой любимый намоленный храм, с которым её связывало столько тёплых воспоминаний, и несмотря на годы и тяжёлое состояние здоровья стала прихожанкой нашего лионского храма. Каждый её приезд был настоящим физическим подвигом, но для неё – светлым событием, дававшим возможность исповедоваться и причаститься.

Екатерина Александровна была ещё редким полиглотом. У неё был целый ряд, можно сказать, родных языков! Естественно русский, конечно французский, само собой разумеется сербский, при первой возможности переходила на испанский. Всегда с ностальгией вспоминала о прожитой жизни в счастливой Аргентине.

Екатерина Александровна Раевская

Ну и английским языком владела, хотя очень не любила Америку и особенно american way of life. Но самое удивительное было, что могла идти по улице за покупками, встретить человека, и тут же без всякого затруднения заговорить по... голландски! Я сам был тому свидетель! Не удивительно, что с таким лингвистическим багажом долгие годы могла работать переводчицей.

А поскольку всеми этими языками она владела в совершенстве, могла, не задумываясь, без запинки переходить с одного на другой, то в более молодом возрасте работала на высшем уровне.

В частности была одной из официальных переводчиц на памятных Олимпийских Играх в Мюнхене в 1972 году, когда группа палестинских террористов организации «Чёрный Сентябрь» устроила там резню, убив половину сборной Израиля.

Участвовала в разных международных дипломатических конференциях. В частности, была при встрече Рейгана с Горбачёвым в Женеве в 1985 году.

Последние годы в основном работала в Федеральном Ведомстве по Делах Беженцев, при Красном Кресте и со

службами полиции, занимающимися беженцами, что стало для неё уже не работой, а христианским служением: писала за них прошения, приносила им христианскую литературу и просфоры, когда были они задержаны, заносила их имена в свою поминальную книжечку и просила поминать их на проскомидии...

Как выше сказано – полностью жила, и переживала, за других.

А до этого, в течении нескольких десятилетий, по просьбе Владыки Архиепископа Антония (Бартошевича), с которым она была близка и знакома ещё по Белграду, занималась перепиской с Россией. Владыка Антоний возглавлял общество «Православное Дело», которое в советское время выполняло большую миссионерскую деятельность в виде радиопередач, посылки книг, брошюр. А в ответ приходили благодарные письма, новые запросы, на которые надо было отвечать, и Владыка поручил это ответственное дело Екатерине Александровне, зная, что оно будет совестно и с христианским духом вестись. Так ткалась нить между Зарубежьем и подъяремной Русью. И Екатерина Александровна была одним из тружеников этого ткачества.

На таких людях строилась Зарубежная Русь и созидалась Зарубежная Церковь. Но таких людей с каждым днём всё меньше остаётся для нашего назидания. Будем почитать их память и учиться на примере их жизни.

Для завершения этого поверхностного обзора жизни великого человека, в виде иллюстрации, рекомендуем всем прочитать её статьи, написанные для газеты «Наша Страна», постоянной читательницей которой она была.

Одну - под заглавием «Обращение к нашему духовенству, не согласному с подчинением, унией или сослужением с МП», которую теперь воспроизвёл сайт «Интернет-Собор». В нём она «мужественно» призвала ко всем потомкам Белой Эмиграции: «С Божией помощью держитесь и дерзайте!».

Другая её статья, помещённая в «Нашей Стране» № 2764 от 22 апреля 2006 года, показывает удивительную силу духа Екатерины Александровны, вновь возвышающей свой голос в защиту попоранной Истины и в защиту Зарубежной Церкви. Она здесь дерзновенно интерpellирует Зарубежных священнослужителей в критический момент выбора: неужели они смалодушествуют и пойдут за архиереями в Московскую Патриархию? Могут ли пастыри, столько лет учившие свою паству несению Креста, сами отказаться от этого не-сеня?

И наконец, ещё одна статья, опубликованная в «Нашей Стране» № 2785 от 10 декабря 2005 года, менее боевая, это тёплое описание нашего Свято-Николаевского прихода в Лионе, ставшего по необходимости её новым приходом.

Вечная память, дорогая Екатерина Александровна, верная представительница славного рода Раевских!

Протоиакон Герман
Иванов-Тринадцатый

ПАТРИАРХ ОПРАВДЫВАЕТ СТАЛИНА

Патриарх Кирилл Гундяев призвал 4-го ноября «резво оценивать» советский период российской истории, то есть - его оправдывать.

"Чтобы любить отечество, не нужно исключать из исторической памяти ни один из исторических периодов, но нужно воспринимать его здравым смыслом". Говоря о Сталине, в то же время, по мнению главы Московской Патриархии, "успехи государственного лидера, который модернизировал страну, создав промышленность, науку и оборонную мощь, нельзя подвергать сомнению, даже если этот руководитель отмечен злодействами".

"Там, где проявлялась воля, сила, интеллект, политическая решимость, мы говорим: да, несомненные успехи, как и в случае с победой в Великой Отечественной войне", — пояснил патриарх Гундяев.

В январе во время выступления в Государственной Думе патриарх заявил, что хранителями российских ценностей являются депутаты. «Сфера политики — это надстроечная сфера. Базисная сфера — это сфера ценностей. И этот ценностный базис ни одна партия в России не должна разрушать, потому что тогда не будет России», — отметил глава МП, подчеркнув, что нынешний состав Государственной Думы «практически воплощает» эту идею.

Стало быть, от имени высшего лица Московской Патриархии все средства массовой информации распространяли, что в зле кроется добро, и наоборот. Да, мол в почти вековой коммунистической диктатуре были отдельные ошибки, может быть даже плохие поступки, но что с бухгалтерского баланса коммунизм скидывать не следует.

Были прекрасные результаты в спорте, балете, космосе, науке, но все это было за счёт страданий народа: в ГУЛАГе, ни за что, погибали миллионы людей.

А к памяти о победе во Второй Мировой войны путинская власть давно прибегает, чтобы затушевать всё ужасное советского строя.

Кирилл Гундяев не отрекается от лживой концепции «единой истории». Но когда-то она будет выброшена в мусорный ящик. И период 1917–1991 годов будет заключен в позорные скобки, как у немцев годы 1933–1945.

Гундяев и Путин пытаются убедить население, что в 1917–1990-м было много хорошего и очень мало плохого. Недавно министр Образования Д. Ливанов восхвалял пионерскую организацию. А нынешний министр Культуры Владимир Мединский торжественно открыл бюст Сталину в Рязанской губернии и приказал не посягать на память мифических панфиловцев.

Ре-советизация путинской России идёт полным ходом.

Б. Глебов

ОБМИРЩЕННОСТЬ

И разрушительные войны, и революции популены России, именно, за грехи Церкви, возлюбившей внешнее, паче внутреннего и обряд больше духа. (Откровение Новомучеников и Исповедников Российских, полученное ими в заточении).

Из доверчивых прихожан Московской Патриархии сегодня найдётся немало таких, которые, увидев картины русских передвижников, скупулёзно отражавших жизнь, в частности – жизнь духовенства, с сокрушением произнесут: «Ну, зачем против Церкви? Непристойно так изображать духовных лиц». Но, как говорили современники художников: картины эти были списаны с натуры. Им вторили и великие русские писатели - пророки.

Вот А. П. Чехов: «Часто приходили в дом попы и монахи, тоже грубые и лицемерные; они пили и закусывали и грубо льстили её отцу, которого не любили».

И потому эти картины вовсе не против Церкви. Это против анти Церкви, против её двойника, против её подмены, против её призрака, наконец, против ереси... ереси обмирщения. Это плач русских художников по России, из которой, таким вот образом, уходила её главная опора - верность Христу.

Обмирщение - вот она, скажем для ясности современным языком, главная то составляющая подмены Тела Христова организацией, определяющая дух нашего времени.

- Обмирщение? Какая же это ересь? В святоотеческой литературе нигде не найдёте определение обмирщения, как ереси.

Но для сегодняшнего дня обмирщение оказалось страшнее любой ереси, включая и ересь ересей - экуменизм. Потому что обмирщение то, как раз и стало - фундаментом экуменизма. Ведь, как ублажают мир экуменисты? - Любите друг друга! - ведь вот оно главное, что завещал нам Христос, - и со снисходительной улыбочностью увещевают они любить все существовавшие когда-либо ереси.

То есть, точь-в-точь, как тот Волк: «Забудем прошлое, оставим общий лад!» Таким вот лукавейшим манером экуменисты подвигают православных полюбить врагов Христа. Но на того Волка нашёлся ловчий. И он сказал: «Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью вашу я давно натуру знаю; а потому обычной мой: с волками иначе не делать мировой».

Находятся ли сегодня ловчие на экуменистов? Находятся! Но только, вот он, дух нашего времени, святитель Игнатий: стая гончих выпускается не на Волка, а на ловчий. Поднимается на тех, кто крикнул: всеересь!, весь псарный двор, псы-кураевы заливаются в хлевах и рвутся вон на драку.

А экуменизм тем временем узаконил обмирщение, как вполне нормальное состояние духовенства. Экуменизм выступил в XX-ом веке, как мавр, который сделал свое дело и теперь может спокойно удалиться: всё остальное для подготовки прихода антихриста доделает обмирщенное духовенство.

Конечно же, духовенство обмирщаясь, перестаёт принадлежать Церкви. То есть обмирщившаяся часть Церкви тут же сама собой отпадает от Церкви, ибо ничего обмирщенного в Церкви не находилось и мгновения.

Для грубого сравнения Церковь, как само размораживающийся холодильник: только появится там возможность нарасти льду, как сама готовность к образованию льда умная машина уничтожает, не поднимая температуру холодильника и на

долю градуса. В Церкви никогда не находилась ни одна ересь, ни ересь ересей - экуменизм, и, уж конечно, там не ночевало и обмирщение. Но и еретики, и экуменисты, и обмирщенное духовенство сокращало Церковь (Но Сын Человеческий, когда придёт, найдёт ли веру на земле? Лк. 18, 8), делая её похожей на шагреновую кожу, то есть доводило Церковь Христову до Малего её стада, которое-то врата ада и не одолеют. Хотя, как показывает жизнь, через обмирщение аду удаётся прельстить даже и избранных. Потому что, сколько искренних христиан попадали под заблуждение ума, вызванного разными ересями! Но, когда Господь открывал многим из них истину, они возвращались в лоно Церкви. Для этого возврата их Церковь определила даже разные степени приёма еретиков в свое лоно.

А как обмирщенного снова принять в лоно Церкви? Разве вставший на путь служения миру, прикрываясь служением Богу, способен вернуться на путь нелицемерной жизни? Разве он способен стать кающимся? И если ересь процесс обратимый, то, похоже, что обмирщение - процесс необратимый, потому что обмирщение не видится, как грех. А если не грех, то в чём же каяться?

Вот почему обмирщение страшнее всякой ереси. К нему не подойдёшь с догматической стороны, как к ереси. Оно не поставлено в черёд известных грехов. Обмирщение гораздо тоньше и многограннее сребролюбия, поэтому обмирщившийся может иногда даже и не казаться сребролюбивым.

Об обмирщившемся в Евангелии сказано только, что ему уготовано место, которое от лона Авраама отделяет Великая Пропасть, которую никогда нельзя перейти.

Вот пример величайшей диавольской хитрости из российской жизни.

Либералы давно рассчитали, что если духовенству дать возможность восстанавливать храмы, то они это восстановление объявят возрождением России. Потому что всякая такая стройка обязательно будет наполнять и их личный карман.

Это ли не возрождение! Храмы строятся, колокола звонят, купола горят золотом. Таким образом, именно через восстановление храмов самим духовенством, священники и пересядут с трамвая на иномарки. А сев на иномарки, они, совершенно оторвутся от нищего народа, а, значит, будут у нас в кармане. Ну, в кармане у диавола, конечно, но это одно и то же.

Обмирщение духовных лиц и глубже, и тоньше обычного человеческого обмирщения. Завода об устройстве земной жизни тех, кто дал обет искать только вечные блага, а сам занялся искательством благ временных, это только внешняя составляющая обмирщения. Изменение внутреннего состояния священника, вызванного обмирщением, не всеми замечается на его внешнем облике, но подсознательно чувствуется каждым. И в результате...

Византия и Россия имеют одну и ту же причину своего падения - обмирщение. «Обмирщение, как уход от Христа - породило монашество». (архимандрит Константин Зайцев).

Обмирщилось монашество - не устояла и Византия. Всеобщее обмирщение русского народа привело к разрушению сначала Российской Империи, а потом, кстати, и могучего внешне Советского Союза.

Советский Союз же удерживал великое пространство Российской Империи, а народ в повиновении, уничтожив, именно, всякую возможность проявления обмирщения.

Правда, оружием для этого «единения» был Архипелаг ГУЛАГ. В результате которого у людей в Советском Союзе был отнят всякий повод к угождению плоти.

Но соблазн Запада разогрел жар к угождению плоти, прежде всего, самой верхушкой советчиков. Гниение началось с головы. Именно, семьи Политбюро первыми стали подавать пример чиновничьему аппарату и, так называемой, интеллигенции устремить свой вожделенный шмоточный взор на запад. И, поскольку, духовного удержания от этого разжжения советчики не имели, то началась цепная реакция - каждый захотел прибахлаться.

На это и был рассчитан план демона по разрушению России, как генетической носительнице истинной Христовой веры.

Именно, с 1991 года началась нравственная мутация уже всего русского народа. Советчина была всего лишь подготовительным периодом к всеобщей мутации русского народа в состояние, когда охладевала любовь.

И проходила эта самая мутация уже под звон воздвигаемых либералами колоколов, под золочение куполов и торжественных крестных ходов во главе с духовенством, пребывающим уже с поразительным спокойствием в каком-то особо сытом благополучии.

Дружба с миром! (Иак. 4, 4) - вот что лежит в основе стремления к комфорту. В итоге получается, что если Иисус Христос - это само бесстрашие, то нынешние Его служители во множестве - сама боязливость.

Самвонов у нас горячо прославляются мученики, страстотерпцы, исповедники, не боящиеся лишиться всех земных благ и даже жизни (иногда - за одно лишь слово, как это было в эпоху великих догматических споров) - прославляются теми, кто сам панически боится потерять - не жизнь, не свободу, нет! - а лишь небольшую часть своего земного благополучия... «Отсюда маловерие, боязливость, растерянность и в народе». (Протоиерей Лев Лебедев «Заметки по пастырскому богословию»)

А вот один из примеров изменения, произошедшего с людьми, носящими духовное звание, когда они установили дружбу с миром. Они в угоду всё тому же миру уже жаждут модернизировать не что иное, как Христовы заповеди.

Святой Царь-Мученик Николай Второй записал эти слова в своем дневнике 2-ого марта 1917 года, в день... Вот, как назовем этот день? «День отречения от престола», - подскажет каждый из нас. Тогда бы Царь так и записал: «Подписал отречение от престола». Но он написал: Кругом измена, и трусость, и обман!

Значит, не историческое событие этого дня заняло у Государя в этот день первое место, а нечто совсем иное, внутреннее, которое потеснило даже такое трагическое для Государя слово, как «отречение». Прозрение на причину крушения Самодержавной власти в России! - вот, что превозмгло в сердце царевом само событие в самый страшный день его жизни.

В результате: Кругом измена, и трусость, и обман! - это не о Царе только, это главным образом не о Царе, а о пути, по которому теперь суждено двигаться человечеству.

Измена, трусость и обман - вот, они столпы, опираться на которые будут все те, кому уготовано прямыми сделать стези антихристу. Ибо «жажда Абсолютной Истины исчезла, её поглотила обмирщенность». (Иеромонах Серафим Роуз)

Вадим Виноградов

Войков террорист и царубийца
Уберем его имя с карты Москвы

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КОРОННЫЙ НОМЕР

Благодарю досточтимого отца протоиерея Германа Иванова-Тринадцатого за комментарий к моей статье в «Нашей Стране» № 3017 от 18 июля 2015 года).

Рад, что моя статья, как пишет уважаемый о. Герман, дополнила его. Но мой вклад – это несколько капель, по сравнению с работой отца Германа. Его статья «Как это стало возможным?» (в том же выпуске «Нашей Страны») - коронный номер, пик его публицистического творчества.

Чувствуется, что она выстрадана глубокими, тяжелыми и гнетущими раздумьями и переживаниями.

В этой статье каждая мысль и каждое слово на своём месте. Написана она сильно, убедительно, логично... и предельно правдиво.

Вообще нужно заметить, что отец Герман – большой авторитет касательно последнего царствования, а о Государе-Мученике Николае Втором всегда пишет с такой нежной любовью, что когда читаешь его статьи об Императоре, то невольно «на очи давно уж сухие, набегают как искра слеза».

Граф А. Коновницын(США)

Миссия в Аргентине
«Владимирская Икона
Пресвятой Богородицы»
переиздала труд на
испанском языке
полковника В. В.

Шапкина
"Что есть Россия?"
Книгу можно заказать
по телефону: +54
(11) 5437-2416 или по
э-почте: pravoslavia@
gmail.com

В. А. Возчиков

Студенты в эпоху плановой экономики

Валентина Алексеевна Богдан

В 1973-м году в Буэнос-Айресе в издательстве газеты «Наша Страна» вышла книга Валентины Алексеевны Богдан «Студенты Первой Пятилетки» - для российского читателя, к сожалению, библиографическая редкость. Как пояснил автору этих строк в сентябре прошлого года редактор «Нашей Страны» Николай Леонидович Казанцев, В. А. Богдан выпустила книгу за свой счет, одновременно профинансировав и отдельное издание «Народной Монархии» И. Л. Солоневича... В то время проживавшие в Лондоне Валентина Алексеевна и её муж Алексей Васильевич уже тридцать лет находились в эмиграции.

В. А. Богдан писала статьи для «Нашей Страны», занималась мемуарами - в начале 80-х во Франкфурте-на-Майне вышла вторая ее книга, под названием «Мимикрия в СССР».

Н. Л. Казанцев любезно предоставил в наше распоряжение фотографии, на которых запечатлена его встреча с семьей Богдан в 1980-м году, когда Николай Леонидович находился в Лондоне в качестве корреспондента 7-го канала аргентинского телевидения...

Предметом настоящей публикации стали некоторые факты истории советского высшего образования, вошедшие в книгу «Студенты Первой Пятилетки». В строгом смысле заголовки воспоминаний В. А. Богдан не соответствуют временным рамкам описываемых событий. Как известно, первая пятилетка охватывала период с 1928 по 1932-й гг. (в реальности - даже меньше, поскольку считалась выполненной «досрочно»), Валентина же стала первокурсницей в 1929-м, а защитила диплом - в 1934-м году. Название произведения, таким образом, в меньшей степени заключает в себе хронологический, но в большей - метафорический смысл.

Первая пятилетка для народного хозяйства СССР знаменовала собой утверждение *плановой* экономики - отныне жизнь страны во всем ее многообразии определяли и направляли руководящие указания центральных органов власти. В мировоззренческом плане такая практика предполагала признание каждым членом общества приоритетными для собственного поведения и деятельности распоряжения бюрократических органов различных уровней; всеми способами в *ласть* формировала веру в то, что ее директивы являются единственно верными и справедливыми.

В 30-е годы прошлого века

обучение в советских вузах всё более обрело характер *плановой* подготовки специалистов - в необходимых для решения конкретных задач количестве и «ассортименте», с моральными и деловыми качествами, соответствующими государственной идеологии.

Книга Валентины Алексеевны Богдан - документальное свидетельство подчинения высшего учебного заведения «плановому» началу, увиденного и осмысленного тогдашней студенткой. Замечательно, что Валентина Алексеевна «задним числом» (воспоминания были написаны спустя десятилетия после студенчества) не позволяет себе конъюнктурной критики советского прошлого, не омрачает черной краской годы учебы, - искренние страницы прозы согреты теплом души автора...

Даже вчерашняя школьница обратила внимание на строгий отбор кандидатов в студенты с точки зрения классовой «благонадежности». Так, даже не был допущен к экзаменам способный одноклассник Валентины, мечтавший стать врачом: «В их семье, у деда, а потом у отца, была паровая мельница. Он «лишенец», то есть лишен права голоса при выборах, как бывший буржуй. Лишёнство своего отца Саша скрыть не мог, так как при подаче заявления в институт нужно было представить справку от горсовета, имеют ли родители право голоса». Ранее такого требования не было, потому старшие брат и сестра одноклассника в вузы были приняты: «Они поступили несколько лет назад, когда не было такого строгого классового отбора. Выдержали экзамен и всё. На вопрос о занятии отца они ответили, что он миршник и подтвердили это справкой, а о его праве на голосование никто и не спрашивал».

Как о чем-то само собой разумеющемся и хорошо известном поведал местный абитуриент, что «... пришла инструкция принять как можно больше партийцев и комсомольцев. <...> Принимать будут так: в первую очередь партийцев и комсомольцев пролетарского происхождения, во вторую - партийных служащих, потом беспартийных детей рабочих и крестьян бедняков и середняков, и только на оставшиеся места, если окажутся, примут прочих. Вы, конечно, представляете, что с таким распоряжением приемная комиссия будет несходительна к одним и очень требовательна к другим. А у некоторых этих прочих, в том числе и детей ученых и крупных специалистов, есть еще и протекция». Результаты приемной кампании в Краснодарском Институте Пищевой Промышленности, как вскоре убедилась В. А. Богдан, вполне подтвердили справедливость сказанного.

По мнению Валентины Алексеевны, темы вступительных сочинений «... были легкие, почти те же самые, на которые мы писали сочинения в школе: Подъем благосостояния трудящихся РСФСР при выполнении первого пятилетнего плана; Типы Грибоедова в современном обществе; Женщина в революционной художественной литературе; Незримые слезы в произведении Гоголя».

На наш современный взгляд, наиболее трудной кажется первая тема, не связанная с литературой. Однако для большинства тогдаш-

них абитуриентов она-то и оказалась особенно привлекательной - в школах проблемам пятилетки уделялось повышенное внимание!.. Так, абитуриентка Таня, по ее словам, «... знала что писать. Недаром мы в школе целый год разбирали и заучивали пятилетний план. Как начала писать, цифры так и поперли из головы: сколько метров мануфактуры, да сколько пар обуви будет сделано. Можно написать целую поэму, когда подумаешь, насколько тракторы и комбайны облегчат труд крестьянина».

Абитуриентка Лида вполне согласна с подругой: «Зубрежка пятилетнего плана пригодилась, а вот о грамматике беспокоюсь». Как видим, девушки отнюдь не стремились выразить свою индивидуальность, да от них этого и не требовалось, - главным считалось «раскрыть содержание» с «идеологически верных» позиций.

Впрочем, некоторые писали и с искренним желанием высказаться, к таким творческим натурам относилась и Валентина Богдан: «Я выбрала вторую тему и писала с большим воодушевлением. «Горе от ума» я знала почти наизусть и обличитель чужих пороков, Чацкий, был одним из моих самых любимых героев. Одно время я даже старалась подражать ему...».

Однако прагматично или «личностно» выбирали тему поступающие, оба этих подхода принимались комиссией как равнозначные - иначе не обеспечить должный социальный состав первокурсников!..

Как важную особенность тогдашней приемной кампании отметим сдачу в один день сразу двух экзаменов: «Вторым экзаменом в этот день (сразу после сочинения. - В.В.) была письменная математика», - свидетельствует В. А. Богдан. Письменные испытания воспринимались как самые «главные», если успешно преодолеешь их, - «... остальное ерунда, не страшно».

Через две недели после завершения экзаменов (такой срок устанавливался приемной комиссией для подведения итогов, оформления документов; абитуриенты на эти дни разъезжались по дому) Валентина Богдан и ее подруги из городка Кропоткин получили открытки с известием о зачислении их в число студентов.

В институте первостепенное внимание уделялось идеологической подготовке будущих инженеров сталинских «пятилеток». Так, В. А. Богдан описывает митинг в городском саду Краснодара по случаю начала учебного года. Выступавший комсомольский активист внушал начинающим, что «... мы, пролетарские студенты, ...», а потому неукопнительно требуется «... изучать не только специальные науки, но и марксизм-ленинизм».

Валентина Алексеевна вспомнила и о об обязательных резолюциях, которые традиционно принимали по завершению подобных мероприятий. Резолюции были однотипными, непременно подчеркнутыми, что «... студенты понимают важность поставленных перед ними задач, горды быть представителями пролетариата, обещают приложить все усилия к изучению наук, особенно марксизма и ленинизма и благодарят партию и правительство за заботу».

Ритуал принятия резолюции лишь внешне выглядел формально

(по опыту собственных студенческих, да и «взрослых» лет могу утверждать, что редко кто вслушивался в текст, с нетерпением ожидая завершения «мероприятия»), однако в действительности содержал большой идеологический смысл: аудитория не только «одобрала» предложения, но и неизменно выражала свою благодарность «власти»!.. Добровольно, не «под пыткой», забыв свою «кухонную» принципиальность... А попробуй не «одобрить», не «поблагодарить» - лишишься того малого, что имеешь, и уж точно ничего не получишь в будущем!..

О содержании вузовских философских лекций того времени дает представление следующее суждение Валентины Алексеевны Богдан: «Философское мышление, говорил Розенберг (профессор диалектического материализма в институте. - В.В.), присуще человеку с самых ранних стадий его развития как индивидуального, так и исторического; так что теорий о путях развития общества очень много, однако только материалистический подход к познанию мира, основанный на изучении материальных фактов, дает возможность раскрыть законы развития мира в целом и законы развития человеческого общества в частности. Зная законы развития общества, можно предсказать, как это развитие будет идти в будущем. «Мы, марксисты, - говорил он, - не делаем историю, мы помогаем ей двигаться по более правильному, следовательно, по более легкому пути». Все остальные философские учения, не основанные на материализме, являются заблуждениями. Их нужно просто отбросить, чтобы не засорять головы».

Если студенты задавали «неправильные» вопросы, их «отечески» поправляли: «- Вы утверждаете, что ход истории предопределен (законами развития общества, «открытыми» марксизмом. - В.В.). Не есть ли это фатализм? - спрашивал другой студент.

- Какой же это фатализм - знать законы развития? Вы, например, знаете, что через восемь часов наступит ночь, а завтра опять будет день и стараетесь сделать день как можно лучше и полней и даже удлиняете его при помощи искусственного света. Знание законов движения и развития - это еще не предопределение».

Такая ошеломляющая демагогия, беззастенчивая «подмена тезиса» представлялись вполне достаточными для объяснения!.. Студенты, желающие самостоятельно познакомиться с «немарксистскими» философскими трудами, были лишены такой возможности. Так, В. А. Богдан не выдала в институтской библиотеке работы Шопенгауэра: «... мне сказали к моему удивлению и разочарованию, что его книг в библиотеке нет».

- А сочинения Канта есть? - И Канта нет.

- Их нет, или их не выдают? - добивалась я.

- Их нет, - сказала библиотекаря, - изъяты из употребления за ненадобностью.

Они оказались, как выразился профессор Розенберг, «хламом истории».

Заметим, однако, что у молодости - свои права и законы, и те проявления советской системы, которые десятилетия спустя акцентировала

Валентина Алексеевна в своих книгах, в действительности воспринимались больше с досадой, чем с возмущением. Раздражали скучные лекции по марксизму-ленинизму, отнимали массу времени собрания и общественные «нагрузки», не прибавляли энтузиазма ни инициированный «сверху» бригадный метод, ни военные занятия... Но многочисленные радости студенческой жизни с лихвой компенсировали негативное!.. Лишь спустя годы, когда «радости» затухают в памяти, а жизненные реалии «откорректируют» некоторые молодые надежды, можно рефлексировать, что учили «не так» и «не тому», говорили «не о том» и вообще – «подавляли»...

Тогда же, в студенчестве, отсутствие в библиотеке тех или иных книг по большому счету жизнь «не отравляло», не мешало весело распевать:

*Вокруг Меда (медицинского института. – В.В.) кочки, кочки,
Цым ля ля, цым ля ля,
Там студентки, как цветочки,
Цым ля ля, цым ля ля.*

Воистину, хочешь быть счастливым – будь им: «Купив шапочки, мы почувствовали себя нарядными, красивыми и счастливыми. Проходя мимо фотографа мы решили зайти сфотографироваться всем вместе».

Спору нет, «изымать» книги из библиотек нельзя, особенно отнюдь не «экстремистского» Канта. Думается, прочитай 20-летняя Богдан «Критику чистого разума» – «устой» бы не поколебались, да и – позволю себе дерзкое предположение! – не стала бы Валентина читать немецкого классика, будь его книги в свободном библиотечном доступе... В лучшем случае, «пролистала» бы из любопытства или готовясь к семинару...

Сегодня позволительно читать не только Канта и Гегеля, но и Ницше, Мигеля Серрано, Хаузера, Аллена Рено... И что же, «в очередь» выстраиваются студенты за этими книгами?.. Как бы ни так!..

По тогдашним вузовским правилам, распределение студентов по факультетам осуществлялось на втором курсе и, как сообщает Богдан, «... к моей радости, я была зачислена на механический фа-

культет, куда мне очень хотелось». Вузовскую программу Валентина осваивала с удовольствием, получила самую высшую студенческую стипендию полагающуюся за успехи в учебе (с осени 1932-го так стали поощрять студентов, к немалой досаде «активистов», которые, погружаясь в «общественную работу», нередко запускали учебу).

– Учиться нетрудно, и с каждым годом интереснее, но общественная работа прямо отравляет жизнь, – рассказывала после окончания второго курса Валентина своему товарищу. – Собрания, заседания, кружковая «проработка» выступлений, субботники, да еще общественная нагрузка, – ты, конечно, знаешь, что это такое! Совершенно нет времени сделать что-либо для себя или развлечься. И всё время нужно быть начеку, стараться не сказать ничего антипартийного, антиобщественного, антисоветского, антимарксистского, антипролетарского... в неподходящей компании. Могут придраться и напакостить, вплоть до исключения из института. Как видишь, студенческая жизнь далеко не легка и даже опасна».

Подтверждением того, что в годы первой пятилетки вузовская практика все явственнее ориентировалась на конкретные потребности хозяйства страны, является появление в институте в 1929-30 учебном году «парттысячников»: «Они из той тысячи ответственных коммунистов, которых ЦК партии послал учиться в порядке партийной дисциплины. Их готовят к занятию высоких административных постов в промышленности и сельском хозяйстве: директоров предприятий и трестов, директоров совхозов и тому подобное. Подготовка их очень пестрая; многие окончили только начальную школу. Другие начинали учиться в гимназии или в технических школах, но не кончили. Некоторые были даже со средним техническим образованием. Практических занятий они пока не отрабатывали, а только приходили на лекции. Почти с каждым из них отдельно занимаются профессора и другие научные работники».

Добавим, что и сами студенты вовлекались в процесс подготовки будущих управленцев

– в этом заключался один из смыслов так называемого бригадного метода, который какое-то время – впрочем, недолгое! – внедрялся в советских вузах.

Валентина Алексеевна Богдан вспоминает о начале второго курса осенью 1930-го года:

«После первого же комсомольского собрания Таня и Лида пришли с новостью.

– Знаешь, вводится новый метод занятий – бригадный.

– Что же это за метод?

– Будет так: всех студентов разобьют на бригады в три-пять человек. Студенты одной бригады будут вместе готовиться к зачётам и вместе их сдавать. Зачёт будет зачитываться всей бригаде целиком и если один член засыпется, то вся бригада не получит зачёта и должны будут придти сдавать другой раз.

– Разве это возможно?! Каждый занимается по-своему. Одному одни предметы трудны и он отдает им больше времени, другому трудны другие, а третьему все трудно. Значит вся бригада должна будет равняться по слабому, разжевывая ему трудные места? <...>

– Какая же польза от бригад?

– Говорят, это делает всю группу более ровной академически. Сильные студенты будут вынуждены помогать слабым и подтягивать ленивых.

– Значит более способные студенты не будут в состоянии изучать предметы более глубоко.

– Не знаю, говорят это мера временная».

В начале 30-х гг. в вузах появляются военные занятия: «Военную подготовку проходят как мужчины, так и женщины. Мы изучаем оружие, учимся стрелять и по карте решаем тактические задачи. Кроме того, нас знакомят с постановкой военного дела в других государствах и доказывают слабость армий в капиталистических странах». Студенты на «политическое разглагольствование не обращали внимания», а «стрелять из винтовки и револьвера» научились быстро.

В январе 1933 года Валентина вышла замуж за Алексея (в книге – Сергей) Васильевича Богдана, с которым была знакома еще со школьных лет. Венчание с тогда

еще ассистентом Краснодарского сельскохозяйственного института состоялось в церкви, провели его по настоянию матери невесты – Нины Ивановны, с немалыми предосторожностями... В свадьбе за год до окончания института был немалый прагматический смысл, который Валентина Алексеевна раскрывает в своих воспоминаниях: «... пожениться до моего окончания мы хотели потому, что по новому закону диплом не выдается на руки окончившим вуз, а посылается прямо на место их первой работы по назначению комиссариата. На этом месте специалист обязан проработать не меньше трех лет. Если студент откажется ехать по назначению, он не получит диплома об окончании. Мужа и жену обязывают посылать на работу вместе». В 1934-м году, защитив проект маслоэкстракционного завода, В. А. Богдан стала дипломированным инженером-конструктором...

Считать ли книгу Валентины Алексеевны Богдан «Студенты Первой Пятилетки» антисоветской?.. Безусловно, ибо изъязыны системы в ней отчетливо обозначены. В то же время в книге Валентины Алексеевны отсутствует известная, если позволительно так выразиться, «атрибутика», присущая «антисоветским» текстам в расхожем понимании: страстное публицистическое «обличение» недостатков, выраженная определенной лексикой нетерпимость, мстительное злорадство и т. п.

В. А. Богдан – не идеолог, не «партиец», не стремится обратить кого бы то ни было в «свою веру»; она – транслятор событий, как те представляли в ее понимании; рассказчик – сожалеющий, сочувствующий, переживающий, недоумевающий, но не злобствующий в силу своего душевного склада... Непременно «прослыть» диссидентом Валентина Алексеевна не стремилась, да и необходимости такой не было...

В. А. Возчиков

доктор философских наук,
профессор.

Алтайская государственная академия образования имени
В. М. Шукшина
(г. Бийск)

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ФОСТЕР

14-го ноября в Вашингтоне на 84 году жизни скончалась Людмила Александровна Фостер – литературовед, радиожурналист и общественный деятель. Она была другом «Нашей Страны» и одно время в ней писала. Людмила Фостер (урожденная Колесникова) родилась 31-го декабря 1931

года во Владикавказе и в годы войны вместе с родителями, не желавшими оставаться под советской властью, попала в Западную Европу в числе беженцев. Была сперва в Польше, а затем в Австрии и Германии. С 1950 года жила в Америке.

Окончила Гарвардский Университет, при котором в 1970 получила докторскую степень по филологии. Она защитила диссертацию посвященную русской эмигрантской литературе.

Много лет работала на радиостанции «Голос Америки», где записывала беседы с русскими литераторами, в том числе с подсоветскими поэтами и прозаиками.

Работала также администратором по обмену представителями с Российской Федерацией в Информационном Агентстве США.

С 1990 года входила в Главное Правление Конгресса Русских Американцев, была директором Вашингтонского Представительства КРА. Состояла также членом Русской Академической Группы.

Главный труд Людмилы Фостер – двухтомная библиография литературы Русского Зарубежья, выпущенная в 1970 году: «Russian Emigre Literature

1918-1968». 2 volumes, Boston, 1970. Это уникальное справочное издание, посвященное библиографии русской зарубежной литературы, которое содержит 17 тысяч справок с указанием источников.

П. Е. Ковалевский в своем хрестоматийном обзоре «Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)», уделяя книге Л. А. Фостер особое внимание, пишет: «В результате этого труда появилось... единственное в своём роде и исключительно ценное издание, имеющее 1247 страниц и показывающее насколько широка была литературная и издательская деятельность Зарубежья...»

Конечно, с тех пор знания об издательском и литературном наследии Зарубежной России существенно расширились, но это никак не умаляет значения той базы, которая была заложена в том числе и Людмилой Фостер.

Людмила Александровна была авторшей ряда статей на английском и русском языках в научных журналах и русских газетах, главным образом, посвящённых русской

зарубежной литературе. Овдовела, имела двух сыновей и внука.

В 1974-1988 годах вела цикл передач «Книги и люди» на радиостанции «Голос Америки», посвящённых американской и русской литературе.

Неоднократно бывая в России, она, в частности, посещала Дом Русского Зарубежья, выступала перед сотрудниками, делилась своими проектами, передавала в фонды редкие издания Зарубежья.

Людмила Фостер – была женщиной с американской фамилией, но сугубо русской по своей сути. Всю свою жизнь она занималась изучением литературного наследия Русского Зарубежья, собирая в своей домашней библиотеке издания авторов, опубликованных вне пределов России. Свою домашнюю личную библиотеку – 1500 книг – она передала в научную библиотеку Ростовского Государственного Университета (ныне Южный Федеральный Университет).

Великолепная собеседница, пытливая исследовательница, заинтересованная слушательница... Вечная память! Царствие ей Небесное!

Н. Федоренко